

ТОМЪ XXXV

цирл
1007

95
690

ГОДЪ XVIII

Судильники

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ

САТИРИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛЬСЬ РИСУНКАМИ

И КАРРИКАТУРАМИ

1882

№ 1

Сатурнъ. — Ну, вотъ, и ошь... Каковъ то будеть? Кажись—здоровенькій, кашанка, хо-хе-хе...

Томъ XXXV
1882

Будильникъ

Годъ XVIII
№ 1

Содержаніе Калейдоскопъ Бобы — Подъ новый годъ Стих. Л. Пальмина. — Чудная ночь, Святочный рясазъ Ф. Нефедова. — На законномъ основаніи, комедія (I актъ) Н.Тарновскаго. — Рисунки и каррикатуры. — Рекламы и объявления.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

а) для годовыхъ подписчиковъ: 1) альбертотипія съ картины академика В. Е. Маковскаго: „Дѣловое утро“ и 2) альбомъ рисунковъ Н. Н. Чичагова: „Нашъ вѣкъ“; б) для дославшихъ къ подписной суммѣ 1 р. — альманахъ Будильника на 1882 г. Гг. городскіе (московскіе) подписчики благоволятъ получать преміи въ главной конторѣ редакціи (Леонтьевскій переул., д. Мичинера) или же въ тѣхъ книжныхъ магазинахъ, гдѣ отъ нихъ принята подписка на „Будильникъ“ 1882 года.

Слѣд. № выйдетъ въ понедѣльникъ, 11 янв.

Еще одинъ годъ канулъ въ вѣчность!...

Кончина года, мигъ великій!
Невольно лучшей изъ людей
Въ подобный мигъ спѣшить замануться
Отъ всякихъ дригъ въ души своей.
Прощаетъ онъ не только другу,
Но и врагу прощ.еть онъ...
О, чудный позвигъ!...

Такъ восклицаетъ поэтъ и приглашаетъ всѣхъ насъ на подвигъ всепрощенія. „Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ!“ повторяется на всѣ лады и тоны, и всѣ ждутъ этого „новаго“ счастья. Чиновники ждутъ чиновъ и орденовъ, купцы — барышей, отцы — прибавленія семействъ, издатели — легионъ подписчиковъ, контористы — денежныхъ наградъ, заматерѣлыя невѣсты — жениховъ, софисты XIX вѣка и прелюбодви мысли — сомнительныхъ, но за то выгодныхъ дѣлъ, юные старцы и старые юноши — новыхъ дѣвъ балета съ неподражаемыми, восхитительными икрами. Словомъ, надежда, робкая посланница небесъ, не оставляетъ никого. Всѣ веселы, всѣ ждутъ!

***

Масса денегъ потрачена на новогодніе подарки и подношенія. Съ своей стороны, „Будильникъ“ подноситъ свои:

Думѣ — пять пудовъ чемерки.
Управѣ — корзину еловыхъ шишекъ изъ Согольшиковъ.
Трактирной депутаціи — поученіе о послѣдней часѣ.
Комиссіи пользы и нужды — разные костюмы изъ лавки Кузанова.
Комиссіи по перестройкѣ рядовъ — брошюру «Таймса» о перестройкѣ цѣлыхъ улицъ въ Нью-Йоркѣ.
Думскому статистическому комитету — «Сошникъ толковый».
Газовому обществу — фонари, подставляемые пѣшеходамъ, благодаря потемкамъ общества.
Думскому подрядчику по очисткѣ улицъ — новую метлу.
Банкѣ — кнутъ.
Директорамъ акціонерныхъ компаній — кринолинъ для фиктивного расширенія компанейскихъ фондовъ.

Акціонерамъ — сказаніе о тарифнѣи.
Желѣзнымъ дорогамъ — разъясненіе, что лучше не имѣть ни одного създа желѣзно-дорожниковъ, нежели одинъ създъ поѣзда съ рельсовъ.
Биржѣ — болѣе просторная яма для сваливанія падающихъ фирмъ.
Купцамъ — машинка для ломанія рублей.
Торговцамъ пожевой линіи — крючки для затаскиванія покупателей
Мясникамъ — коробка дезинфекціоннаго порошка профессора Китарры.
Товариществу ассенизаціи — ароматическая подушечка.
Замоскворѣцкимъ купчихамъ — часы съ будильникомъ.
Купеческимъ дочкамъ — романъ «Какъ гусара не любить. — это не годится».
Купеческимъ соврасамъ — видъ Титовки съ описаніемъ.
Адвокатамъ — средство, излѣчивающее отъ лѣнливой лихорадки, которою заболѣваютъ юристы, получивъ приглашеніе на защиту отъ суда.
Аптекарямъ — глотокъ воды, цѣнимой на вѣсь золота.
Перчаточникамъ — модную картинку, рекомендующая дамамъ вмѣсто платья носить одну перчатку.
Торговымъ зрителямъ — докторскій совѣтъ: ради моціона, прогуливаться ежедневно по рынкамъ.
Ресторану „Стрѣльна“ — коллекція камелей.
Архитекторамъ — кирпичъ, упавшій съ разваливающейся стѣны дома Лагунова.
Содержателямъ линейкѣ на Покровкѣ — узелъ суконнаго старья для починки ямскихъ армяковъ.
Ростовщикамъ — вѣсѣмъ вѣсѣтъ бюстъ и каждому по портрету пѣвца армянина.
Журналистамъ — механическую утку

Будьте веселы и счастливы, почтенные читатели и прелестныя читательницы!

Живите новымъ въ новый годъ,
Оставьте старыя мечтанья
И все, что счастье ни даетъ,
А лишь родить одни страданья;
А главное: въ годъ новый сей
Любите искреннихъ друзей.

не исключая и нижеподписавшагося, отъ души поздравляющаго васъ и мысленно посылающаго вамъ свою визитную карточку

Бова.

ПОДЪ НОВЫЙ ГОДЪ.

(Изъ альбома Маралы Герихонскаго.)

I.

Не знаю я, то бредъ былъ или сонъ,
Иль, можетъ быть, не спалъ я въ самомъ дѣлѣ,

Но, въ смутныя мечтанья погружень,
Полудремля лежалъ я на постели.
Вотъ прогудѣлъ часовъ протяжный звонъ:
Какъ кажется, то десять было ровно...
Подъ новый годъ былъ вечеръ. Хладнокровно
Полуночи въ аппати я ждалъ:
Я ни о чемъ въ грядущемъ не мечталъ,
И не хотѣлъ, въ презрѣннѣ къ жизни нашей,
Я новый годъ почтить заздравной чашей.

II.

Что новый годъ? Комедія одна...
А цѣлый міръ? Жалчайшая планета,
Что въ пропасти безъ грани и безъ дна
Вращается безцеленныя лѣта,
Вся плесенью болотною полна,
Что жизнь зовется міровою;
Мы-жъ — червяки, кишачіе толпою,
Или точъ вточъ моллюски средь морей,
Рожденные отъ солнечныхъ лучей
И мрущіе подобно кучѣ гадинъ,
Хоть гнетъ скорбей всегда у насъ громаденъ!

***

III.

Что значитъ годъ? Да что и цѣлый вѣкъ?
Моментъ одинъ въ исторіи вселенной,
Гдѣ вождь, герой, великій человекъ —
Лишь муравьи съ ихъ жизнью мгновенной...
О, міръ слѣпцовъ и нравственныхъ калѣкъ!
...Такъ думалъ я, и мигомъ подхватила
Меня съ земли невѣдомая сила
И унесла въ эфирные края.
Вотъ полетѣлъ все выше, выше я,
И міръ внизу остался надо мною —
Съ порядочный арбузъ величиною.

IV.

Вотъ и луна, съ картофелинку шаръ...
Онъ шляется безсмысленно вкругъ міра...
Толпы планетъ... Нигдѣ волшебныхъ чаръ...
Міры, точъ вточъ по рельсамъ, средь эфира
Вращаются... Маршрутъ ихъ очень старъ,
И будетъ онъ столѣтъя продолжаться,
А межъ планетъ и шаръ земной болтаться,
Новомѣсть не столкнется самъ собой
Съ кометою какой-нибудь шальной,
И весь тогда разрушится въ обломки,
Какъ поѣзда смоленскій костоломки...

V.

Да, я одинъ въ пространствѣ безъ границъ.
Механика бездушная, пустая!
Ни геніевъ, ни чудныхъ, свѣтлыхъ лицъ!
Лишь пустота... Но въ пропасти безъ края,
Средь блестящихъ планетныхъ веренищъ,
Бросаю взглядъ я на родную землю,
И вотъ въ тиши я чуткимъ ухомъ внемлю
Несущимся мильонамъ голосовъ:
То отъ людскихъ столицъ и городовъ
Нестройный хоръ и смѣха, и проклятій,
И глуностей земныхъ моихъ собратій.

VI.

Чу, звонъ часовъ послышался вдали...
Одиннадцать отчетливо пробилъ.
А! это звонъ несется отъ земли...
Вокругъ меня все пусто и уныло.
Да, я хоть сталъ превыше брэнной тли,
Хоть чужды мнѣ и страсти и желанья,
Но тяжко быть превыше мірозданья,
И одному угрюмо, свысока
Взирать на міръ, народы п вѣка,
Все осмѣявъ такъ философски-строга...
Ахъ, коньяку я выпилъ-бы немного!

VII.

Но, вотъ, бѣда: средь мертвенныхъ планетъ
Пустынно все въ эфирномъ океанѣ...
Ни кабачка на этихъ глыбахъ нѣтъ,
И не мечтай теперь о ресторанахъ —
Хотя лети, блауждай мильоны лѣтъ!
Но мыслью тутъ я былъ спасень случайной:
Ахъ, вспомнилъ я, что разъ ужъ силой тайной
Былъ увлеченъ когда-то и сюда...
Былъ коньяку графинъ со мной тогда...
Я тотъ графинъ не допилъ, противъ правилъ,
И на звѣздѣ какой-то здѣсь оставилъ.

VIII.

Ну, такъ и есть: въ Медвѣдицѣ Большой
На звѣздочкѣ послѣданей, что направо...
Спасень, спасень! Глатокъ... еще, другой...
Еще... еще... На сердцѣ лучше, право...
И скептицизмъ холодный, ледяной
Въ моей душѣ какъ будто тихо таетъ...
Моя рука опять графинъ хватаетъ...
Не странно-ли (какъ будто и во снѣ!):
Вѣдь тотъ графинъ еще сегодня мнѣ
Наполнила красавица-Глафира,
А въ немъ теперь ужъ... пустота эфира!?

IX.

Вокругъ ясныя сіяютъ небеса,
И какъ тепло въ пространствѣ горнемъ стало...
Чу! отъ земли слышнѣе голоса...
Знакомая вдругъ нота прозвучала...

О, то зоветь она, моя краса.
Зоветь меня со вздохомъ страсти нѣжной,
И полонъ я опять любви мятежной,
Опять любви кипучей и земной...
Лечу къ тебѣ на землю, ангелъ мой.
Лечу къ тебѣ изъ дальнихъ странъ эфира...
Ставь самоваръ, прелестная Глафира!

X.

Лечу стрѣлой, и все вокругъ меня
Уже не такъ,—совсѣмъ другое дѣло!
Въ бубенчики причудливо звеня,
Толпа тѣней какихъ-то пролетѣла.
Вотъ, профиль свой съ улыбкою клоня,
Плыветъ луна надъ самою Москвою,
И звездочки блестящія толпою,
Не глыбы ужъ безчувственныхъ... нѣтъ!—
Все ярче ихъ лукаво-нѣжный свѣтъ.
Вотъ и лучи Глафирина камина...
О, скептицизмъ,—тони жь на днѣ графина!

XI.

Пусть мы живемъ лишь только мигъ одинъ,
И шаръ земной былинкою несется,
Крутятся въ волнахъ клочковатыхъ пучинъ,—
Но пусть хоть мигъ весна любви смѣется!
(Глафира-же мнѣ вновь нальетъ графинъ
И сердце вновь наполнитъ экстазомъ...)
Прядь въ рою пускай смирится разумъ!
Не разсуждай, о! смертный—и лови
Мигъ золотой блаженства и любви...
Прочь, пугало идеи философской!
Но вотъ ужъ и въ губерніи Московской.

XII

Не знаю какъ: въ трубу или въ окно
Влетѣлъ я въ домъ, вновь очутившись въ
мирѣ,
Какимъ путемъ—конечно все равно,
Но прямо палъ въ объятія къ Глафирѣ,
И помнится за этимъ мнѣ одно:
Что на часахъ двѣнадцать ровно било,
Глафира-же съ упрекомъ говорила,
Зачѣмъ леталъ я безъ нея, одинъ,
На небеса, забравъ съ собою графинъ,
И, обругавъ Медвѣдцу Большую,
Подставила мнѣ губки къ поцѣлюю.

Л. Пальминъ.

ЧУДНАЯ НОЧЬ.

(Святочный рассказъ.)

Близъ края деревни, на притыкѣ, стоитъ изба
вдовы Аксиньи.

Новенькая, срубленная изъ молодого соснового
лѣса, пріютилась она между двухъ бѣлыхъ и раз-
вѣтвистыхъ березъ и такъ-то свѣтится, такъ-то
любовно глядитъ тремя своими оконцами на широ-
кое всполье, что кто изъ постороннихъ мимо ни
пройдетъ, кто ни пробѣдетъ—непрѣменно полюбует-
ся, а шой еще и пріостановится, и скажетъ:

— Вишь, гдѣ приткнулась! Да давно-ли это?
Какая за лѣто избенюшка выросла!

— Славная хоромишка! переговариваются обоз-
ники, доставляющіе съ Волги хлѣбъ въ наши лѣ-
сные мѣста. — Такъ надо полагать, братцы, что
тутъ какая нибудь добрая сиротская душа гнѣздо
завила. Потому привѣтно да радостно и глядитъ
избенючка!

Какъ-бы въ отвѣтъ на это предположеніе, у од-
ного изъ оконцевъ показались съ бѣлокурными го-
ловками и розовыми личиками мальчикъ и дѣвочка.
Обнялись дѣти и, застычиво улыбаясь, съ любо-
пытствомъ смотрятъ на длинный обозъ и выступаю-
щихъ за нимъ цѣлой гурьбою мужиковъ.

— Такъ и есть,—воскликнулъ одинъ:—вопъ ужъ
и птенцы повывелись!.. Постой-ка, паря, я добѣгу,
узнаю, что тамъ...

Отъ гурьбы отсталъ нагойшій тулупъ, твердый,
какъ дубовая кора, насквозь прокошенный.— свер-
нулъ онъ съ дороги и зашагалъ прямо черезъ суг-
робы къ новой избѣ. Завидѣли его птенцы, и не
знаютъ, что имъ дѣлать—юркнуть-ли на полатки,

или немного повременить. Но тулупъ вмѣстѣ съ
шапкою, сдѣланною изъ волчьего хвоста, закивалъ
дружелюбно и засвѣтился большой, широкой русой
бородою.

— Ну-ка, приподними стеклышко, хозяйинъ!

— Чего тебѣ надо, дядюшка?

— Добраго здоровья, хозяйинъ! кланяется ту-
лупъ.— Не одолжишь-ли чего нанитъся?

При этихъ словахъ дѣвочка куда-то исчезаетъ,
а мальчикъ остается у окошка, заслоненнаго бо-
родою.

— Давно-ли въ новый-то домъ перешли? спра-
шиваетъ тулупъ.

— Да не такъ чтобы давно: съ Покрова только...

— Та-акъ. А гдѣ жь у васъ большакъ-то?

— У насъ батюшки нѣтъ...

— А мать?

— Матышка въ лѣсокъ ушла, валежничку по-
собрать.

У окна снова появляется дѣвочка, держа на
этомъ разѣ въ рукѣ желѣзный ковшикъ.

— Вотъ, дядюшка, принесла я... На, испей!

Черезъ полуоткрытое оконце просовывается въ
избу громадная ручища и принимаетъ ковшикъ.

— Евасокъ! проговорилъ тулупъ.— Ахъ, ты,
милая!.. Уважила дѣвка... Вотъ, за что спасибо,
такъ спасибо!

Тутъ въ ладъ съ широкою бородою заулыбалась
и шапка изъ волчьего хвоста. Звонкій, какъ се-
ребряный колокольчикъ, ребячій смѣхъ разлился
на всю избу.

— А? Такъ вы смѣяться надо мною! грозно за-
говорилъ тулупъ и полѣзъ за пазуху.

— Да на тебѣ, дядюшка, больно ужъ шапка
чудна... и борода у тебя смѣшная!..

Не вытерпѣвъ тулупъ, засмѣялся самъ и ска-
залъ:

— Ну, ладно!.. Когда поѣду назадъ, гостиницѣ
вамъ изъ города завезу, а пока вотъ вамъ отъ
меня награда, двѣ копейки серебра. Богатѣйте съ
моей легкой руки! Прощайте! Помните дядю Петра!

На подоконникѣ упала монета, а тулупъ отпра-
вился догонять обозъ.

Съ тѣхъ поръ нерѣдко случалось, что какой-ни-
будь дядя Антишъ или Пудъ, завидя проѣздомъ въ
окнѣ малыхъ дѣтокъ, свертывалъ къ новой «хо-
роминкѣ», просилъ нанитъся и клалъ на подокон-
никъ свои копейки.

Не смотря на свое одиночество и сиротство, не
было изъ всей деревни веселѣе избы вдовиной.
Какъ—благослови Богъ!—вошла Аксинья въ свой
домикъ, такъ въ первый же день къ ней нагрянули
дѣвки и говорятъ:

— Отдай избу намъ въ кортому, вдова: мы къ
тебѣ, вдова, на бесѣдки станемъ ходить.

И вотъ, какъ только зажгутъ по деревнѣ вече-
ромъ лучину, изъ вдовиной избы несется ужъ на
волю нѣсна:

Красна дѣвица, слуга,
Заложи добра коня!..

— Экое у меня веселье! говорила вдова, и ея
лицо, начавшее отъ заботъ безвременно старить-
ся, опять молодѣло, и по щекамъ разливался лег-
кій румянецъ.— Играйте, дѣвушки! Пока молоды,—
веселитесь, милыя!..

— Ужъ вы ельнички, вы березнички,
Мелодне горьки—все осеннички!

пѣли дѣвки, сяди за своими прялками, и расхо-
дились съ бесѣдки развѣ только послѣ третьихъ
нѣтуховъ.

Почти ужъ половина святковъ минула. Отошли
въ деревнѣ Хмѣлевкѣ святочные «игрища», кото-
рыя шумно справляются въ первые три дня. Дѣв-
ки успѣли и въ сосѣднихъ деревняхъ «отгостить-
ся», вернулись къ домамъ и опять, съ работами,
собрались на бесѣдку къ вдовѣ Аксиньѣ.

На Хмѣлевку только что спустилась ночь. Въ глу-
бокой синевѣ неба заблистали крупныя звѣзды...
Въ улицѣ тишина и безлюдье: одни неровно вспы-
хивающіе и, точно старческой глазъ, мигающіе
огоньки въ замерзлыхъ оконцахъ черныхъ избъ
свидѣтельствуютъ, что деревенскія люди еще не
спятъ. Кругомъ, въ полумракѣ, стелется бѣлая по-
ля; въ фантастическихъ формахъ встаютъ посреди
ихъ разбросанные кусты, черными массами лежатъ

окрестныя селенія, а вдали, со всѣхъ сторонъ, какъ
заколдованный, темнѣетъ и хмурится дремлющій
лѣсъ... Вотъ, далеко-далеко, точно на самомъ
концѣ земли,—надъ темнымъ лѣсомъ засеребрилась
полоса свѣта; она постепенно растетъ и ширится,
начиная слегка окрашиваться въ розовый цвѣтъ;
верхушки сосенъ отчетливо уже выдѣлились и об-
рисовались впереди этой свѣтозарной полосы. Еще
немного и—свѣжій, полный мѣсяцъ поднялся изъ-
за лѣса и тихо, незамѣтно, поплылъ по небесной
лазурѣ.

Между двухъ высокихъ березъ, разукрашенныхъ
чудной бахромою ипея и облитыхъ сверху кроткимъ
сіяніемъ мѣсяца, за версту еще видна ярко освѣ-
щенная избушка. Въ окнахъ, черезъ чистыя стек-
ла, промелькнетъ, порою, густая коса, покажется
молодое женское лицо и отразится на стѣнѣ чья-
нибудь громадная тѣнь. А съ новыхъ полатей свѣ-
силась двѣ бѣлыхъ головенки и слушаютъ, о чемъ
говорятъ въ избѣ: раскраснѣлись щоки ребятокъ
и блестятъ, какъ звѣздки, ихъ свѣтлыя глазки.

Въ свѣтцѣ широкимъ пламенемъ горитъ лучина.
По лавкамъ, съ гребнями сидятъ дѣвки и прядутъ;
весело пляшутъ въ ихъ рукахъ веретѣна, кружась
и обвиваясь нитками. Сама хозяйка дома, Аксинья,
пристроилась съ своей пряхою на скамейкѣ, около
выбѣленной печи и, время отъ времени, поправ-
ляетъ въ свѣтцѣ лучину и зажигаетъ новую. Къ
ней присуздилась съ питьемъ молодая баба. Пар-
ней на бесѣдѣ нѣтъ. Пѣсенъ бесѣдницы не заво-
дятъ: давно не видѣлись, такъ надо обо всемъ по-
говорить и расказать другъ другу. А за недѣлю
святковъ не мало всего было: водили игрища, бѣ-
гали завораживаться на перекрестки, цѣловались
съ парнями и... многого даже не припомнимъ!..
Успѣли все, о чемъ можно, расказать, ничего,
кажется, ужъ не осталось—и замолчали...

— Сколько грѣховъ мы, дѣвочки, на душу
приняли! проговорила одна изъ бесѣдницъ и наклони-
лась почти къ самому гребню своей молодой го-
ловою.

Низко склонились головы и другія бесѣдницъ.
Подъ вліяніемъ мысли о сдѣланныхъ грѣхахъ,
всѣ притихли и нѣсколько минутъ прями молча...
Въ избѣ лишь потрескивала весело горѣвшая лу-
чина, да со двора заглядывала въ окно мѣсячная
ночь.

— А что, подружки, нарушила молчаніе черно-
волосая дѣвка:—неужли поще о святкахъ такъ
мы и не сходимъ въ овины, поворожить?

— Что ты, что ты еще удумала, отчаянная!—
накинулась на черноволосую дѣвку половина бесѣ-
дцы.—Безъ того не знаешь, куда грѣхи дѣвать,
а ты еще въ овинѣ... Смотри, Матрена, онъ тебя
ужъ когда-ни-то да облаитъ! Понадѣйся ты ему
въ котлѣ...

— Ахъ, грѣхи наши, грѣхи!—завздыхала мо-
лодая баба, растопыривъ передъ собою мужнины
портки, которые она усердно шила.

— Экая ночь-то, дѣвочки, добавила она, загля-
дывая въ окошко.—Не ужъ мы, хоть погоды-то, не
выдемъ, не погуляемъ при мѣсяцѣ? Да что изъ пар-
ней сегодня нитя нейдетъ!

— А тебѣ хочется погулять? послышалось съ
полатей.

— Страсть какъ хочется, Василко! отвѣтила Ма-
трена.

— Ну, такъ я слѣзу...

— Куда это ты, сынокъ, собираешься? подняла
на полати голову Аксинья.

— Къ Матренѣ. Больно мнѣ охота теперь по-
гулять. Вишь, какъ на улицѣ мѣсяцъ свѣтитъ!

— Вотъ тебѣ, Матрена, женихъ! засмѣялись на
бесѣдѣ.—Нечего и въ овинѣ ходить: судьба сама къ
тебѣ съ полатей валитъ. Ай, Василко!

Смѣялись дѣвки надъ Матреною, а сами никакъ
не могли удержаться, чтобы не заглянуть въ
окошко: мѣсяцъ все ярче и ярче свѣтилъ, снѣж-
ныя поля такъ и сыпали миллионы разноцвѣтныхъ
искръ, а синее небо, съ безчисленными хорами не-
замѣтно двигающихся свѣтилъ, приковывало къ себѣ
людекия очи и сузло покоившейся во снѣ землѣ
вѣчныя радости и блаженство. Чудная ночь, бо-
жественная ночь! Она сходитъ на землю только о
святкахъ, чаруетъ людей и обманываетъ!..

— А правда-ли, что дядюшка Трофимъ колдунъ?
вырывается чей-то голосъ на бесѣдѣ.—У него,

945610

ЦУНБ им. Н.А. Некрасова
Отдел хранения фондов

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГОРОДСКАЯ
ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Н. А. НЕКРАСОВА

СВАТКИ! СВАТКИ!

— Послушай, пойдём
ужинать?
— Однако, маска, ты,
должно быть, богатая!

— Позвольте предложить
руку?
И остальное!?

ПЕРВЕНСТВУЮЩИЕ ГЕРОИ

ИЗЪ МАСКАРАДА

СВЯТОЧНОЙ КУХНИ.

бають, есть приворотный корешокъ. ежели этимъ корешкомъ кольнуть парня, какого хошь,—такъ онъ отъ тебя ни за что не отойдетъ: твой будетъ!

— Попросить бы, дѣвочки, у Трофима этого приворотнаго корешка,—заявляетъ желаніе молодая баба, продолжающая шить мужу портки:—далъ-бы онъ хошь на время свего корешка.

— Ни за что не дастъ! отвѣчаетъ подростокъ. Дядюшка Трофимъ баеетъ: мнѣ самому завсегда нуженъ этотъ корешокъ...

Что-то стукнуло въ сѣняхъ, слышались шаги, и дверь отворилась.

— Аль гости?

Въ избу вошла дѣвка лѣтъ семнадцати, здоровая и красивая, съ румяными щеками.

— Миръ честной бесѣдѣ! сказала новоприбывшая, не скидая съ себя шубы.

— А, это ты, Агафья,—послышалось на бесѣдѣ—Раззоблакайся да присаживайся къ намъ!

— Вѣдь я на малое время,—отвѣчала румяная дѣвка, останавливаясь посреди избы.—У батюшки гость сидитъ.. Ну, думаю, сбѣгаю къ дѣвкамъ, погляжу, какъ онѣ тамъ святѣничаютъ!..

— На томъ тебѣ спасибо, сударыня! Не забыла, значить, своихъ подружекъ, сказала Марфа.—Однако ты что, лѣсная, не садись?

— Нешъ и то присѣсть! опускаясь на лавку, проговорила Агафья.—Больно ужъ, дѣвки, на дворѣ баско*),—такая-то ли свѣтлынь, равно какъ днемъ!

Матрена двинула черными бровями, кинула быстрый взглядъ на подругу, повела головой на окно и усмѣхнулась. Агафья поняла...

— Ну, о чемъ вы тутъ безъ меня разговоры вели? спросила она, ни къ кому прямо ни обращаясь —Аль пѣсни играли?

— Какія у насъ пѣсни! отозвалась Агнесья. — Передъ твоимъ приходомъ начали, было, про корешокъ приворотный разсказывать, а то сидѣли цѣлый вечеръ и перебирали только грѣхи... Вошь, молодая, спасаться задумала!

— Не ужъ-то? Соломонида?!

Дружный смѣхъ поднялся на бесѣдѣ...

— Чему вы, дуры! немного какъ будто обидѣлась молодая баба.—Разъ худо, ежели человекъ замыслилъ спасаться?

— Ну, такъ и есть,—подхватила боецъ-Марфа.

— А ты какъ обо мнѣ полагаешь? Нешъ не иду, ежели захочу?

— Чай, сперва докончишь хоть работку-то?—не унималась насмѣшица.—А то въ конецъ обездолишь мужа... Вишь, узоры-то раскинула!

Новый взрывъ смѣха. Не утерѣла, хотѣла она что-то сказать, но посмотрѣла на веселыя лица бесѣдницъ и сама разсмѣялась...

Звуки гармоники слышались на улицѣ.

— Чу! встрепенулась бесѣда.—Къ намъ вѣрно идутъ?

Гармоника наигрывала какую-то неистово-плясовую пѣсню. Бойкіе звуки лились въ ночномъ воздухѣ, неудержимо куда-то бѣжали впередъ и, снова возвращаясь, звонко разсыпались, какъ рѣзвьяя шалуны-дѣти, дерзко будили голубую ночь, пронизанную серебрянымъ сіяніемъ, смѣялись задорно и точно дразнили тѣхъ, кто слышалъ ихъ...

Притихло дыханіе на бесѣдѣ..

— Должно, прошли мимо,—заговорили на бесѣдѣ, когда звуки гармоники стали слабѣть—уходить все дальше.—Кто бы это такіе были? Двое шли...

— Одинъ-то, гляди, пришлый изъ Митревки,—сказала Агафья, а другой—Антонъ Поликарпова сынъ, Петръ. Я запримѣтила ихъ, какъ даве сюда бѣжала.

— Куда бы это имъ идти? спрашивала Матрена.

— Куда? Митревской-то, поиди, въ свою деревню Петруньку ведеть... Ахъ, дѣвочки, я забыла вамъ про что сказать!

— Про что?... Сказывай!

— У батюшки теперь сидитъ Антонъ Поликарповъ. Батюшка самъ привелъ его въ гости... Приходитъ батюшка, выившии, и баеетъ: «что ты не ревешь»? А я говорю: «да не о чемъ пока: горя большаго и печали нѣтъ»... А батюшка мнѣ и баеетъ: «Не отдамъ тебя въ чужой приходъ; слыховала, что отдашь и Груняху»... Это про старшую-то мою сестру

*) Баско—хорошо.

баеетъ. Антонъ Поликарповъ смѣется, а ничего не говоритъ...

— Ну, быть тебѣ, значить, въ семьѣ Антона Поликарпова.

— Богъ вѣдаетъ... Дѣвочки, да поидемте, погуляемте малость!

— Дѣло, подружки! обрадовалась Матрена.—Я пойду... Меня давно на улицу манить!

— Въ овины, что-ли, завораживаться?—полюбопытствовала Соломонида.—Смотрите ухватить онъ васъ!..

— Ну, дѣвочки, и я съ вами! сказала Марфа, закидывая на плечу свой копылокъ.

— Ежели вы недалеко, такъ я тоже пойду! поднялась съ мѣста Соломонида.

— Ну, въ добрый часъ! пожелала Агнесья.—Погуляйте, а мы тутъ безъ васъ поспрадемъ да ибсенокъ попоемъ! Може, и про судьбу загадаемъ.

Ф. Нефедовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

НА ЗАКОННОМЪ ОСНОВАНІИ.

Комедія въ 3-хъ д., Е. А. Тарновскаго.

Первое представленіе — въ Москвѣ, въ Маломъ театрѣ, 13 дек. 1881 года.

Дѣйствующие:	Исполнители:
Баронесса Марья Николаевна Юнгферъ, молодая вдовушка	г-жа Федотова.
Князь Владиміръ Петровичъ Дубровскій, корнетъ въ отставкѣ	г. Рѣшимовъ.
Княгиня Надежда Михайловна, его жена, за вторымъ	г-жа Медетѣва.
Сергій Алексѣевичъ Березницкій	г. Ленскій.
Варинья	г-жа Ильинская.
Иванъ Васильевичъ Щербановъ, пожилой холостякъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, человекъ со средствами	г. Самаринъ.
Платонъ, ...	г. Дурново.
Ниль, ...	г. Владиславлевъ.
Максимъ, ...	г. Никифоровъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Петербургѣ, на Крестовскомъ, лѣтомъ.

ДѢЙСТВІЕ 1-е.

Щегольская гостиница. Нальво—пяльцы. Двери—по бокамъ и въ глубинѣ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Князь и Березницкій (*входятъ, разговаривая, изъ глубины*).

Князь.—Вотъ не чаялъ, не гадалъ-то! Легко сказать, mon cher, года полтора не видался! Вольше! Какими судьбами? Когда? Откуда?

Березницкій.— (*Онъ въ казачьей чекменѣ, съ серебряными полонями, и при шилкѣ; красная фуражка съ голубымъ околышемъ*).—Вчера и прямо изъ Сап-Стефано...

Князь.—Владиміръ съ бантомъ! Молодецъ! Читалъ, mon cher, въ «Инвалидѣ»... читалъ! Поздравляю! Ну, что наши? Соболевъ? Куриловъ? Никольскій? Разсказывай! Немного, чай, уцѣлѣло? Лихіе ребята были... на подборъ! Ей-Богу! Выпить, кутнуть... въ картишки передернуть! Куда угодно! Пять лѣтъ, что называется, душа въ душу выжили! Вѣришь, никогда, Сергій Алексѣевичъ, не прощу себѣ, что вышелъ въ отставку! Ей-Богу, никогда!

Березницкій.—Помнится, тебѣ, вѣдь, предложили...

Князь.—Да! Предложили! Придрались къ тому, что у меня долги были! (*Досадливо*). Вотъ ерунда-то! Да у кого-же ихъ не было, спрашивается, когда на то пошло, долговъ-то? Ну? У кого? Укажите мнѣ такого феномена, сдѣлайте одолженіе! Въ Кунсткамерѣ... за стеклышкомъ... можетъ быть, обрацается... не спорю! А иначе—нѣтъ, нѣтъ... въ цѣломъ Петербургѣ нѣтъ! Голову, сейчасъ, даю на отвѣченіе!

Березницкій.—А ты тутъ женился, князь!

Князь.—Женился, mon cher! Вотъ уже мѣсяць, какъ выписался изъ холостой братні! Ха, ха, ха! Вашего полку убыло!

Березницкій.—До-нельзя удивился, признаюсь! Сейчасъ прѣзжаю, спрашиваю:—Надежда Михайловна Щербакова дома?—А мнѣ говорятъ:—„Пожалуйте на-верхъ. Ея сіятельство принимаютъ“...

Князь.—Да, да! Надежда Михайловна Щербакова—вся вышла! Соскучился, mon cher, вдовствовать и изволили учиниться княгиней Дубровской...

Березницкій.—Какъ-же это случилось? А?

Князь.—Да очень просто! Очень просто! Купила... здѣсь... мою Орловскую деревню... послѣднюю... все спустилъ, все... до одной! Съ аукціона, въ Тульскомъ поземельномъ, голубушка, пошла! Не хотѣлось, понимаешь, чтобы наши семейные портреты, что тамъ, у меня, оставались, въ чужія руки перешли... дядинки, тетеньки, бабенки: отпраздился къ ней... отрекомендовался... познакомился... сошелся... произвелъ впечатлѣніе...

Березницкій.—Но... Надежда Михайловна... если не ошибаюсь... гораздо старше тебя, князь?

Князь.—Лѣтъ на десять... съ чѣмъ-нибудь! Затѣмъ, досконально убѣдясь, что отъ меня безъ памяти,—самъ, mon cher, прикинулся влюбленнымъ... тутъ по неволѣ, прикинешься, когда въ перспективѣ-то ни manger, ни boire нѣтъ! Просентиментальничалъ, этакъ, недѣли двѣ-три... и кончилъ тѣмъ, что торжественно сочетался... законнымъ бракомъ... съ 75 тысячами годоваго дохода, вотъ съ этой дачей и съ тремя домами: на Невскомъ, на Литейной и на Загородномъ проспектѣ... знай нашихъ!

Березницкій (*съ отпѣнкомъ добродушной ироніи*).—Вотъ какъ!

Князь (*безпечно*).—Живу теперь, mon cher, принимаючи! Сожительница уплатила все мои долги... правда, на шеѣ еще кой-какіе вексели... тысячъ на двадцать! Про эти-то не говорилъ... да Богъ дастъ, скоро и съ ними покончимъ! Вчера, подарила мнѣ пару Хрѣновскихъ рысаковъ... сѣрые въ яблокахъ... пять вершковъ съ половиной... заглядынь! Покажу, mon cher, сегодня-же... по-тѣшу: выведу! Поваръ у жены—французъ... Эмиль... геній совершенный! Ты verras ça!

Березницкій (*улыбаясь*).—Правое?

Князь.—Всеми дѣлами жена завѣдуетъ... да, да! И домомъ, и имѣніями... и хозяйствомъ сама занимается... и деньги все у ней-же на рукахъ! Знать ничего не знаю! Рѣшигельно ни во-что не суюсь, не путаюсь! Мнѣ-же, понимаешь, mon cher, сподручній... покойнѣй! Ни заботъ, ни хлопотъ! Видишь, toujours le même... все тотъ-же остался!

Березницкій.—Да... вижу... вижу...

Князь.—Не житье, а масляница! Сказала, хорошо буду себя вести, переведеть на меня мою Орловскую деревню... ей-Богу! И домъ на Литейной мнѣ-же обѣщала, и эту дачу! Увидишь, мои будутъ... непременно! Если-бы и случился какіянибудь проказы, съумѣемъ глаза отвести... не впервой,—бывальщина: такъ подстрою, что ни сучка, ни задоринки! (*Милья тонъ*.) А! Да! Канальство! Какъ-бы не забыть! Завяжу узелокъ... для памяти...

Березницкій.—Что такое?

Князь.—Помнишь, mon cher, мою Дульцинею? Léonie? Изъ Демидрона? Конфетка! Передъ мной, двухъ chemin-de-fer'овъ въ трубу пустила! Ей-Богу!

Березницкій.—Надѣюсь, разстался?

Князь.—Разумѣется... какъ слѣдуетъ... по джентельмански! Выдалъ два векселя... на предъявителя: они къ счету вотъ тѣхъ, что у меня еще на шеѣ-то! Злодѣйка подала ко взысканію; такъ надобно повидаться... сегодня-же... въ аккомодацию войдти... насчетъ отерочки! Хочешь, вкупѣ снотируюемъ... послѣ завтрака? Угощаю тебя, mon cher, завтракомъ у Бореля! Ходишь?

Березницкій.—Охотно! Тѣмъ болѣе—долженъ, въ свою очередь, тебѣ сообщить нѣчто, князь, по секрету... для меня очень важно! Расчитываю впередъ на твою дружбу...

Князь.—И прекрасно дѣлаешь! Ну? Что тебѣ? Говори! Денегъ? Благовѣрную--за бока! Ха, ха, ха! Или гдѣ похлопотать за тебя, что-ли? Поставимъ на цуфуси всехъ женскихъ друзей и пріятелей... ихъ у ней—тѣма тѣмущая! Съ покойникомъ en grand жила... открыто... въ ами-кошонствѣ со всеми козырями! Опять нѣтъ? Такъ что-же? Ну?

Березницкій. — А вот что... слушай!

Князь. — Слушай! Да что-же мы стоим? Садись... клади фуражку! Ну? В чемъ суть? Выкладывай!

Березницкій (*устышился*). — Года полтора тому назадъ, познакомился въ Москвѣ... когда ѣздилъ туда... на Святую... къ дядѣ Митрофану Павловичу... съ одной очень почтенной и милой дамой... изъ высшего круга...

Князь (*закуривая папироску*). — Какъ моя жена!

Березницкій. — Вдовою ..

Князь. — Опять-таки, какъ моя жена!

Березницкій. — Матерью шестнадцатилѣтней доч-ки...

Князь. — А? Ну, это уже далеко не такъ!!

Березницкій (*безъ остановки*). — Прелестной... скромной... отлично-образованной. Страстно влюбился въ нее... безумно... въ дочку, понимается...

Князь (*заинтересованно*). — Ну? Ну?

Березницкій. — И уже собирался съѣздить ей предложение... какъ вдругъ объявили войну: полкъ пошелъ въ Турцію... и я съ нимъ... туда-же...

Князь. — Дальше! Дальше! Романъ чистѣйшій... à la Daudet...

Березницкій. — Теперь, проѣздомъ черезъ Москву, узнаю, что эта особа, съ годъ тому назадъ, лишилась матери, осталась круглой сиротой... и, въ настоящее время, живетъ въ Петербургъ... у своей троюродной тетки...

Князь. — Ну, ну, ну?

Березницкій. — А знаешь-ли ты, кто эта тетка? Нѣтъ? Твоя жена! Княгиня Надежда Михайловна!

Князь (*встывая*). — Что ты?! Значитъ, Варинька...

Березницкій (*также вставая*). — Въ нее-то я и влюбленъ, князь, да, въ нее... и ты обязанъ, по товарищески, помочь мнѣ на ней жениться...

Князь. — Губа-то у тебя не дура! Очаровательный ребенокъ! Charmante... насколько могъ разглядѣть... (*Конфиденціально*.) Жена строжайше запретила много-то ее разглаживать! Между нами, немножечко рѣшима... есть грѣшочекъ! И случай, какъ нарочно, безпрестанно подхлестываетъ ее, поддразниваетъ... подаетъ ей, то и дѣло, поводы меня ревновать... да вотъ, не ходи дальше: вчера-же, къ намъ прѣехала премиленькая родственница... вдовушка... ввучатная кузина покойнаго Щербакова... она ей, какъ бывшій опекунъ, по духовному завѣщанію, часть имѣнія отказала... въ Нижегородской губерніи... въѣздить съ княгиней и съ братомъ... Иваномъ Васильичемъ... благопріобрѣтенное имѣніе-то... не могутъ подѣлиться... хоть ты тутъ трени! Мужъ ея, гдѣ-то, на югѣ, не то бригаднымъ, не то дивизионнымъ былъ... да и тебѣ все это лучше потомъ... въ другой разъ! Вернемся къ твоему роману! Постой! Погоди! На мой взглядъ, извини за откровенность, Варвара Дмитриевна совсѣмъ тебѣ не пара! За ней, вѣдь, ничего... ровнехонько! Женись, какъ я, mon cher, и...

Березницкій. — О взглядахъ не спорять... смотреть каждый по своему! А я, князь, такъ люблю Варвару Дмитриевну... такъ высоко цѣню ее, что... ни на какія сокровища въ мірѣ не променяю! Ничего за ней не прошу, не требую! У меня, у самого, положимъ, побольше состояніе, но... но и его, Богъ дасть, на обоихъ хватить! (*Сильно сильный звонокъ*.) Вотъ такъ звонокъ! Кто это упражняется?!

Князь. — Благовѣрная! Третьягодия прогнала обѣихъ горничныхъ... нашла, извольши видѣть, слишкомъ молоды и красивы... другихъ-то еще нѣтъ... нанять не успѣ... (*Звонокъ все сильный и сильный*.) Нилъ! Максимъ! Платонъ! (*Нилъ Максимъ и Платонъ показываются въ клубинѣ*.) Оглохли, что-ли? Княгиня цѣлый часъ звонитъ! (*Лакеи опростелью убѣждаютъ нильво, къ князю*.) Какъ только выйдетъ, сейчасъ-же тебя ей представлю... и здѣсь-же, не теряя времени, поставимъ ребромъ твое дѣланье...

Березницкій. — Думаешь, согласишься?

Князь (*самодовольно*). — Je crois bien! Ты мнѣ другъ? Разъ! А во 2-хъ, я такъ хочу... желаю! Два! Жена, mon cher, мнѣ въ глаза глядитъ... такъ любить, что... (*Милья тонъ*.) Да... преду-преждаю: она у меня... отчасти... съ душкомъ... уприма и... и вснльчива... иной разъ, со мной рѣзко-ко обращается... бываетъ, случается! Покойникъ-то избаловалъ... въ привычку вошло, въ

привычку! Не хотѣлось сразу-то... и... и... понимаешь, и некогда еще было: въ сущности-то... au fond... она предобрая... ей-Богу! Au fond, она...

ЯВЛЕНИЕ II.

Тѣже, Нилъ и прочіе лакеи.

Нилъ. — Ваше сіятельство! Ея сіятельство васъ къ себѣ изволятъ требовать! (*Уходитъ съ товарищами въ клубину*.)

Князь. — Меня! Сейчасъ! Сейчасъ! Нельзя-же ее заставлять дожидаться! Кстати, скажу ей и про тебя! Будь увѣренъ, mon cher, приласкаеть, приметъ отличѣйшимъ образомъ... tu verras... tu verras... (*Хочетъ идти. Выходъ княгини*.)

ЯВЛЕНИЕ III.

Березницкій, князь и княгиня.

Княгиня. — Что-же это? А?! Бѣгать должна за вами... сама васъ отыскивать, князь?!

Князь. — Pardon, mon ange! (*Милко*.) Вотъ... позволь тебѣ представитъ... ротмистръ Березницкій... мой лучший другъ... Сергій Алексѣевичъ... старый товарищъ... однокашникъ...

Березницкій. — Princesse!

Княгиня (*холодно*). — Charmée! (*Всторону*). Совсѣмъ не кстати! Не жалую всѣхъ его прежнихъ товарищей! Пожалуй, опять испортить...

Князь. — Не выдался съ выхода изъ полка, и... и, признаюсь, такъ обрадовался... да какъ-же и...

Княгиня (*по прежнему*). — Je conçois cela... весьма сочувствую... но... но, все-таки... зачѣмъ-же бросать меня?

Князь. Васъ, княгиня?

Княгиня (*досадливо*). — Васъ?! Опять «Васъ», Woldemar?!

Князь. — Ну, ну! (*Съ гримасой*.) Тебя! Тебя!!

Княгиня (*размѣчавъ*). — A la bonne heure! Всегда мнѣ говори «ты»... всегда, слышишь? Какъ я тебѣ! (*Березницкому*). Впередъ должна сказать вамъ: такъ люблю Вольдемара, что ревную его и къ мужчинамъ! Найдете, можетъ быть, что я чересчуръ требовательна... но онъ не жалуется! (*Мужу*). Вѣдь, ты не жалуешься, Woldemar, нѣтъ?

Князь. — О, нѣтъ! Нѣтъ, Nadine (*Березницкому*). Видишь — предобрая!

Березницкій (*всторону*). — Помѣшанная какая-то!

Князь. — Говорилъ, передъ тобой, Березницкому, что я прошу его... (*Живо*). Мы оба... и ты, и я... просимъ его считать нашъ домъ — своимъ... и всякій день бывать у насъ... за-просто...

Княгиня (*сухо*). — Pourquoi pas... по monsieur Березницкій, можетъ быть, не всякій-же день свободенъ... конечно, прѣхалъ по дѣлу... вѣроятно, у него, наконецъ, и кромѣ насъ... довольно знакомыхъ... (*Тихо... мужу*). Зачѣмъ? Къ чему, Woldemar? Онъ только помѣшаетъ нашему tête à tête...

Березницкій. — Дѣйствительно, княгиня... прѣхалъ сюда по дѣлу... въ высшей степени, для меня, серьезному и дорогому... (*Тихо... князю*). Скажи-же ей про племянницу...

Князь (*ему*). — Ужь ты не торони! laisse moi faire! (*Ей*). А не позвать-ли его, Nadine, обѣдать сегодня? (*Ему*). Увидишь наше серебро... замѣчательное, mon cher, серебро... Хлѣбниковской работы...

Княгиня (*Значительно*). — Не забудь, Woldemar, что я жду Ивана Васильевича, моего beau-frère... думаемъ сегодня-же окончательно рѣшить вопросъ о нашемъ дѣлѣ...

Князь. — Да, да! (*Покорно*). По Нижегородскому имѣнію... (*Березницкому*). Чуть-ли я, mon cher, не говорилъ тебѣ? Да, да, говорилъ... говорилъ...

Березницкій. — Повѣрьте, княгиня, никакъ не намѣренъ мѣшать вамъ... (*Тихо... князю*). Неужели-же ты меня отпустишь, не давъ мнѣ пови-даться съ нею?

Князь (*тихо*). — Надѣйся на меня! Все объясню, обдѣлаю, mon cher, и улажу!

Баронесса (*за сценой справа*). — Въ гостиной? Да?

Княгиня (*торопливо*). — Баронесса! Поди сюда... стань здѣсь... не отходи отъ меня ни на шагъ, Woldemar! Вотъ уже провинціальная-то безцеремонность: прямо къ намъ ввалилась... съ пожитками... безъ зова... безъ спроса... точно, нѣтъ отелей!

ЯВЛЕНИЕ IV.

Князь, княгиня, баронесса и Березницкій.

Князь. — А! Баронесса! Хорошо-ли изволили по-чивать?

Баронесса. — Прекрасно! Merci! (*Увидавъ Березницкію*). Ва! Березницкій?! Какъ вы сюда попали?!

Княгиня. — А вы знакомы?

Князь. — Ты знаешь баронессу?

Березницкій. — Имѣлъ честь вѣхать изъ Москвы, вчера, вмѣстѣ съ генеральшей...

Баронесса. — И генеральша очень рада, ротмистръ, что можетъ вторично поблагодарить васъ... за любовь и внимание! (*Князю*). Въ первый разъ, пришлось сидѣть въ общемъ вагонѣ! Въ былое время, mon cousin, для меня всегда отдѣльное купе отводили... всегда! Мой баронъ занималъ важный постъ... дивизіей командовалъ... Теперь не то... (*Печально*). Les temps sont changés! Теперь я бѣдная вдова: у меня нѣтъ мужа... нѣтъ и дивизіи! Я о нихъ очень жалю... о мужѣ и о дивизіи! Очень! Ma parole d'honneur! Не скрываю, очень! (*Князю*). Поймите, ma cousine, привыкла играть главную роль въ губерніи... фигурировать... и... и вдругъ очутилась не при чемъ! Тяжело! Больно! (*Березницкому*). Вы другъ князя? Да? Значитъ, будемъ видаться? Enchantée! Пріѣзжайте почаще... пожалуйста!

Княгиня (*всторону*). — Нѣтъ! Это, наконецъ, изъ рукъ вонъ! Распоряжается, какъ дома! Баронесса (*князю*). — J'aime les militaires... какъ la duchesse de Geroldstein! (*Березницкому*). Гошу у княгини, а въ тоже время сужусь съ ней! (*Князю*). Наши споры, по наслѣдству, не должны насколько мѣшать нашимъ дружескимъ отношеніемъ, ma cousine... не правда-ли? А гдѣ-же Barbérine? Еще не выходила? Она мнѣ ужасно правится, ваша Barbérine! Такая милочка!

Князь (*вполголоса, Березницкому*). — Слышишь? Какъ расхваливаетъ твою-то? Ушки на макушкѣ? Доволенъ? Однако, отправляйся-ка, mon cher, и жди меня у Бореля: явлюсь туда... чуть только вырвусь! Утекай!

Березницкій (*пожимая ему руку*). — Такъ до свиданія? Князь (*По прежнему*). — Надѣйся на меня, какъ на каменную стѣну! Сказано, улажу! Заблагодумствуешь, какъ я! Такой-же счастливецъ будешь! Березницкій (*всторону*). — Ну, нѣтъ! Такого счастья, какъ твое, не пожелаю себѣ... (*Громко*) Мое почтеніе! (*Раскланивается и уходитъ*.)

ЯВЛЕНИЕ V.

Князь, княгиня и Баронесса.

Баронесса. — Онъ очень симпатиченъ... этотъ Березницкій... но только престранный! Представьте, все время боялся, что побѣзд опоздаетъ: точно, сѣвшиль на любовное свиданіе! Ха, ха, ха!

Князь. — Да, вѣдь, пожалуй, что и такъ! Ха, ха, ха!

Княгиня (*рѣзко*). — Вы-то чему-же тутъ радуетесь, князь? Вамъ-то что-же? А?!

Князь (*размѣшисто*). — Дѣло въ томъ... (*Строгий взглядъ княгини сразу его обрываетъ*.) Ничему я не радуюсь... мнѣ-то съ какой-же стати?

Баронесса. — Отъ души поздравляю васъ, chère cousine! Прекрасно съѣздили, что не посмотрѣли ни на кого, и вышли за князя! Покойный Васильевъ Васильевичъ, царствіе ему небесное, былъ весьма достойный человекъ... нѣтъ спора... во всѣхъ отношеніяхъ... но князь, все-таки, лучше... гораздо лучше! Молодъ, любезенъ! Joli garçon! Même très très joli garçon! Oh, très très joli!!

Княгиня. — Vous trouvez! (*Всторону*.) Quelles manières!

Князь. — Trop bonne!

Баронесса (*ему*). — Dommage, que vous ne soyez pas militaire! J'aime les militaires! (*Ей*). Въ наши родственники, знаю, васъ осуждаютъ, а я... напротивъ... вполне одобряю! Вдова жизнь хуже каторги! Но себѣ знаю... entre nous, n'est ce pas... и ничуть была-бы не прочь, во время моего пребыванія въ Петербургъ, прискочить себѣ другой постъ... (*Садится, говоря, ни право*).

Княгиня (*удивленно*). — Постъ?

Баронесса. — Pardon! Другаго мужа! Хотѣлось-бы опять за генерала... или за какого-нибудь

ВЪ МАСКАРАДЪ ПОДЪ НОВЫЙ ГОДЪ.

Онъ.—У всѣхъ у васъ любовь— мимолетная!
 Она.—Ну-ужь пѣть! Я, по крайней мѣрѣ, готова тебѣ поклясться, что если полюблю въ
 будущемъ году, то разлюблю—не ранѣе, какъ въ будущемъ...

ЦУНБ

им. Н. А. Некрасова

2 000001 339961